

В одном из документальных фильмов о Дмитрие Дмитриевиче Шостаковиче мы видим: композитор сидит в купе мчащегося поезда и долго смотрит в окно, заплаканное дождем. За кадром звучит музыка Тринадцатой симфонии... Ни тени умиротворения на

напряженном, со стиснутыми губами лице. Ни секунды покоя не дают себе пальцы рук. Кажется, мозг композитора погружен в какую-то яростную тишину, готовую взорваться звуком. Незабываемое лицо человека, для которого мир — вечное рождение музыки, а музыка — вечная исповедь...

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Д. Д. ШОСТАКОВИЧА

ВЕЛИКИЙ КОМПОЗИТОР XX ВЕКА

СТРАСТЬ композитора к исповеди музыкой достигала его везде. «Внешняя обстановка, комфорт для меня ничего не значат, — рассказывал Шостакович. — Те, кто думает, что красивую музыку легче писать в прекрасном дворце, ошибаются. Я, например, не раз писал, едучи в поезде, в неудобной позе... Преодолевать в процессе творчества приходится самого себя, а не внешнюю среду».

«Преодолевать самого себя» — точнее не мог сказать о себе этот совестливый человек и величайший художник нашего времени. Потому что создание музыки для Шостаковича всегда было актом борения за новые идеи, новую глубину мироощущения, новую красоту. И всегда — полемика. Сколько споров вызвала, например, его Четырнадцатая симфония! Шостакович не мог пройти мимо таких глобальных тем искусства, как «поэт и вечность», «жизнь и смерть». Но он подошел к ним, не повторив ни одного из своих великих музыкальных предшественников, будь то Лист или Чайковский, Мусоргский или Рахманинов. «Я полемизирую с классиками!» — заявил композитор перед прослушиванием Четырнадцатой, в которой он ставит человека лицом к лицу со смертью лишь для того, чтобы защитить жизнь, сделать обличение смерти проповедью жизни.

В Шостаковиче-композиторе, точно так же как в Шостаковиче-человеке, уживались рядом, казалось бы, совершенно противоположные начала: доброта и ожесточение, непреклонность фанатика и застенчивость юноши, духовность гения и трезвый материализм человека XX века. И потому в его музыке по-шекспировски близко смыкались великое и смешное, трагедия и фарс. Его сердце было всегда открыто для правды. Его острый, наблюдательный ум

сохранял всегда поразительную объективность и широту видения мира. И потому, наверное, никому из композиторов-современников не удалось, подобно Шостаковичу, отразить в музыке социальную картину мира с такой обжигающей правдой и полнотой.

Пятнадцать симфоний и пятнадцать квартетов, две оперы, оперетта и три балета, музыка инструментальных и вокальных жанров — от концерта до сонаты и фуги, от оратории до песни, музыки для театра и кино — все формы композиторского искусства объял и реформировал могучий музыкальный интеллект Шостаковича. И в каждом создал неповторимые по замыслу и форме воплощения образцы.

Путь композитора, как известно, не был усеян сплошными лаврами, а пролегал и через зоны «отрицания», непонимания, острого критического осуждения. Но каждый раз великий композитор-труженик отвечал на критику только одним родом оружия: работой, новыми сочинениями, новыми художественными открытиями.

В музыке Шостаковича, как писал композитор Родион Щедрин, — «пульс нашей жизни». Она полна страстного протеста против жестокости, мещанского благодушия. И в то же время эта музыка — всегда гимн человеку... Гуманизм и гражданственность — вот тот фундамент, на котором воздвигнуто здание «стиля Шостаковича».

Не было еще случая во всей музыкальной истории, чтобы огромное произведение — симфония — создавалось в гуще отражаемых исторических событий, подобно тому, как создавалась в первые месяцы Великой Отечественной войны гениальная Седьмая (Ленинградская) симфония Шостаковича. Она создавалась как оперативный документ эпохи. В сущности, эта симфония стала фактом антифаши-

стской борьбы, охватившей тогда все человечество.

Кадры кинохроники сохранили облик «неистового» Шостаковича, творящего за роялем, в сполохах ночного блокадного Ленинграда. Он защищал город, сочиняя неслыханную музыку, которая, по его словам, «неудержимо рвалась из него». А потом надевал пожарную каску и шел дежурить на крыше консерватории или ехал со студентами строить оборонные сооружения. А на эскизных записях новой партитуры появлялись объединенные кружочками «немузыкальные» знаки «в. т.» — воздушная тревога...

Шостакович совершил переворот в музыке. Он совершил то, о чем писал А. В. Луначарский, предсказывая приход после победы революции музыкантов «бетховенского» типа. Он возвернул симфонии (давно терпевшей кризис на Западе) ее большую, многоплановую драматургию, психологическую глубину, социальное звучание. Он сделал симфонию орудием гуманистического действия, избличения, сострадания и борьбы.

«Главное — любовь к людям, составляющим оплот культуры, цивилизации, жизни», — говорил Шостакович, имея в виду идею своей антифашистской Седьмой симфонии. Но можно назвать это главной идеей и всего его творчества. Вне этой идеи невозможны были бы ни Пятая симфония о становлении личности нового человека, ни гениальная Восьмая — эта «трагедийная песнь о безграничной выносливости человеческого сердца» (Б. Асафьев), ни Тринадцатая с ее пламенной защитой достоинства и свободы человека...

Тамара ГРУМ-ГРИЖИМАЙЛО,
искусствовед.